

духовно-нравственный компонент. Мы уверены, что дальнейшее развитие теологических кафедр в системе высшего образования РФ будет способствовать оздоровлению духовно-нравственной атмосферы в российских вузах, качественному изменению уровня гуманитарных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексей Второй Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Архиерейском Соборе РПЦ 2008. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobor2008.ru/426666/index.html>
2. Верецкий Евгений, архиепископ. Доклад на Архиерейском Соборе РПЦ 2008. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobor2008.ru/428110/index.html>
3. Воробьев В. Протоирей. Религиозное образование в современной России // Религия и школа в современной России: документы, материалы, выступления. Сб. ст. М, 2003.
4. Георгий, архиепископ Нижегородский и Арзамаский. Роль воспитания в школе // Материалы образовательных чтений Приволжского федерального округа. Сб. ст. Нижний Новгород, 2008.
5. (Еремеев) Петр, иеромонах // Журнал Московской Патриархии. 2004. № 10.
6. Журавский А. // Континент. 2002. №114. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2002/114/zhurav>
7. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский // Выступление на 16-х Международных Рождественских Образовательных чтениях 29.01.08 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/080131165504>
8. Круглый стол «Роль теологического образования и науки в развитии российского гражданского об-

щества» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pstgu.ru/news/church/2007/02/08/8676/>

9. Савруцкая Е.П. Духовность как феномен русской религиозной философии // Сборник 11-х Рождественских православно-философских образовательных чтений. Сб. ст. Нижний Новгород, 2003.
10. Спирин В., иерей. Принципы преподавания теологии в светском вузе // Роль воспитания в школе. Материалы образовательных чтений ПФО. Сб. ст. Нижний Новгород, 2008.
11. Спирин В., иерей. Православное богословие в контексте высшего образования: методологические и методические проблемы // Православие и гуманитарное знание. Сб. ст. Нижний Новгород, 2006.
12. Шапошников Л.Е. Взаимодействие НГПУ и Нижегородской духовной семинарии в подготовке теологов // Роль воспитания в школе. Материалы образовательных чтений ПФО. Сб. ст. Нижний Новгород, 2008.

T. Legasova

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THEOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIAN SECULAR EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract: The central topic of the article is the question of the prospects of the development of the theological education in the Russian higher educational system. The author analyses the main problems of the Russian secular educational system formation after eighty years of antireligious governmental policy. In the context of the spiritual crisis of Russian people theological education is urged to restore moral principles of the Russian society.

Key words: theological formation, secular theological formation, moral reference points.

УДК 1 (091)

Макеев С.В.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКСИОЛОГИИ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА ТЕХНОКРАТИЗМА В РОССИИ*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности мирового неоклассического этапа технократизма - в частности прагматической прaksiологии. Основное внимание уделяется особенностям российской практике технократизма перестроечного и постперестроечного периода

Ключевые слова: прaksiология, прагматизм, опыт, неоклассический этап, технократизм, современная Россия.

Наиболее развитые страны вступили во второй половине XX в. в эпоху тотальной индустриализации, в которой научно-техническая революция явилась движущей силой перехода цивилизации в новое качественное состояние, базирующееся на техноразуме. Индустриализм все больше и больше рассматривается в общественном сознании как новая система социальной организации, где индустрия представляет собой определяющий элемент способа производства материальных благ, охватывает все новые и новые области социальной действительности. «Успех «технократической концепции», развиваемой странами За-

* © Макеев С.В.

падной Европы и США, во многом был обусловлен надеждами людей на достижение устойчивого социального прогресса и роста благосостояния в обществе. Предполагалось, что с помощью новых научных открытий и достижений техники будут, наконец, разрешены острые социальные противоречия, преодолены последствия социокультурного кризиса. Обсуждались проблемы рациональной организации общества, рационального управления на основе четкого, «инженерного» расчета потребностей и возможностей человека. На смену свойственному классической философии культу разума приходит культ научно-технического знания, вера в его безграничные возможности. С перспективами научно-технического развития начинают связывать надежды на обретение прочного фундамента социальной стабильности. Сочинения многих западных философов рисуют положительные перспективы развития «технологического» общества [1.] Все это и объясняет тот факт, что теоретические наработки технократизма получили возможность практической реализации с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Приоритет технического детерминизма становится ведущим в трактовке социальных процессов нового поколения технократов, которых мы будем обозначать понятием «неотехнократы».

Важнейшей особенностью неотехнократической праксиологии этого периода являлся ярко выраженный прагматический характер методологии внедрения неотехнократических идей в различные сферы жизнедеятельности общества. Следует напомнить о философии прагматизма и той огромной роли, которую он оказал на теоретическую и практическую жизнь США [2].

Неотехнократам в прагматической методологии импонировала особая роль, уделяемая опыту, под которым понималось все, что имеется в человеческом сознании, как врожденное, так и приобретенное. Именно опыт, по их мнению, был способен справиться с бесконечным количеством псевдопроблем, выйти за пределы гносеологических хитросплетений [3].

Кроме того, неотехнократы разделяли мнение о том, что прагматизм способен помочь человеку в потоке опыта преобразовать опыт и достичь поставленной цели. Важным условием совершенствования опыта является совершенствование самого опыта, так называемая социальная реконструкция, которая включала в себя: а) наделение собственностью как можно большего числа людей, расщепление собственности между собственниками, с одной стороны, и ее максимальное объединение (акционирование) для производственно-хозяйственных целей, с другой стороны; б) приближение человека к результатам своего труда, сокращение паразитирующей про-

слойки, присваивающей часть результатов труда (монополисты, привилегированные собственники и прочие); в) активное внедрение высоких технологий не только в науке и технике, но и через образование в управление обществом, моралью, опытом; г) совершенствование методов мышления (инструментализм), способствующих оптимальному достижению человеком своих целей. Метод рассматривался как инструмент успешной человеческой деятельности (достижения цели). Если цель достигнута, то метод истинный (правильный), если не достигнута или путь ее достижения усложняется, – то ложный.

Прагматизм разработал важную для технократов методику превращения проблематической ситуации в решенную. Для чего необходимо было сделать следующие шаги: превратить неопределенную ситуацию в проблематичную, выяснить источник ощущения препятствия (зачастую тревожного, не имеющего четкого объяснения), осознать проблему и четко ее сформулировать, приступить к устранению проблематичной ситуации (поставить конечную цель, осознать возможные трудности, выдвинуть гипотезы по решению проблемы, осуществить критический анализ гипотез); принять окончательное решение и приступить к его исполнению. Неотехнократы рассматривали прагматизм Дж. Дьюи как мягкий вариант рациональности – разумности.

В известной степени практика технократического прагматизма реализовывалась в СССР и продолжает реализовываться в современной России, что представляет собой исследовательский интерес.

В ходе исторического развития Россия неоднократно демонстрировала способность успешно осуществлять техническую модернизацию, опираясь на свои собственные силы, при этом нередко признаки развитости сочетались с чертами отсталости [4]. Эта тенденция просматривалась во времена петровской модернизации, когда освоение передовых для своего времени видов промышленного производства неизбежно сочеталось с издержками самодержавной власти и крепостным правом. В советскую эпоху Россия в составе СССР сумела по ряду параметров приблизиться к уровню наиболее развитых индустриальных стран (создание мощного производственно-технологического комплекса, воспитание поколения высококлассных ученых и инженерно-технических специалистов, активное участие в освоении космоса и т.д.). «По индексу развития человеческого потенциала (ВВП на душу населения, уровень образования, продолжительность жизни) страна имела показатель (0,920), сопоставимый с аналогичным показателем США (0,961). Однако одновременно советская система проявляла предрасположен-

ность к стагнации и отторжению нового. Преобладание экстенсивных и ресурсоемких методов в производстве, высокая степень милитаризации экономики не позволили громадному потенциалу страны раскрыться в полной мере» [5].

Основными носителями технократических идей в этот период были руководители промышленных предприятий, так называемые «красные директора» и вышедшая из их рядов «партноменклатура». К числу несомненных успехов советских технократов следует отнести: реальные достижения в рациональной организации управления обществом: создание современной системы экономического планирования на базе метода межотраслевых балансов, впервые разработанной ЦСУ СССР в 1923–1924 годах и впоследствии заимствованной многими странами, в том числе и с рыночной экономикой; внедрение двухканальной системы денежного обращения (наличные и безналичные деньги); развертывание эффективных систем науки и образования. К числу основных негативных характеристик советской технократии следует отнести: игнорирование рыночных стимулов (низкий уровень оплаты и личной мотивации работников), жесткая иерархия (антидемократический, номенклатурный режим), недооценка постиндустриальной перспективы (роли знаний и новых технологий обмена информацией) и т.д. Со временем социалистические ценности в партийной и хозяйственной номенклатурной прослойке девальвировались. До определенного времени советская номенклатура распоряжалась общенародной собственностью осторожно, в соответствии с тогдашними правилами, оставляя для себя сравнительно немного, особенно по меркам потребления развитых стран. Однако по мере распада командно-административной системы соблазн бесконтрольно распоряжаться национальным богатством усиливался. И лишь с приходом во власть технократов (неолибералов-«реформаторов») и после краха СССР процессы приватизации государственного имущества и конвертации власти в собственность развернулись в полном масштабе. Они-то и явились главным объектом, а нередко и субъективно осознаваемым содержанием реформ технократов «ельцинско-гайдаровского» призыва [6].

На смену технократам советской номенклатуры пришли российские неотехнократы-реформаторы. Их теоретические взгляды не отличались наличием оригинальных идей и по существу являлись эпигонством, абстрактными схемами, заимствованными из рыночных экономик без учета российской специфики и особенностей переживаемого периода. Замысел предлагаемых действий состоял в том, что для перехода к динамическому экономическому росту достаточно лишь создать

несколько макроэкономических и институциональных условий: подавить инфляцию, сократить государственные расходы и сбалансировать бюджет, снизить процентные ставки, провести реструктуризацию предприятий, и силы рынка автоматически обеспечат подъем производства и потребления.

Упрощенные рационально выстроенные рецепты реформирования страны не оправдались. Все оказалось гораздо сложнее, а с учетом применяемых технократами-«реформаторами» способов реализации, замысел свелся к банальному воровству государственного имущества меньшинством и обнищанием большинства населения страны. Россия оказалась резко отброшена назад, приближена к таким формам капитализма, которые даже либеральные, благоволящие российским неотехнократам-«реформаторам» средства массовой информации называют «дикими». Россия превращалась в страну с бесперспективной экспортно-сырьевой специализацией, атрофированными внутренними источниками развития, хроническими социальными дисбалансами.

В самых общих чертах результаты деятельности неотехнократов-«реформаторов» могут быть представлены следующим образом: приватизировались в первую очередь «лакомые куски» в экспортно-сырьевом секторе. Вместе с разросшимися вблизи них финансовыми структурами эти отрасли быстро приобрели гипертрофированное значение. С другой стороны, рост монопольных цен на сырье и энергоносители вкупе с разбухшим импортом обескровили машиностроительный комплекс. Ввиду резко усилившейся социальной поляризации и обнищания огромной массы людей (по разным оценкам от одной трети до половины россиян находятся сегодня за чертой бедности) значительно сузился внутренний рынок. Вложения в производство, в науку, в просвещение и здравоохранение были урезаны до минимума. Эти меры объявлялись вынужденными, списывались на кризисную ситуацию, в возникновении которой якобы повинна прежняя, насквозь порочная система, тогда как «новорусский» капитал без помех «утекал» за границу или «прокручивался» путем разнообразных махинаций [7].

Главную причину происшедшего академик РАН Д.С. Львов видел, прежде всего, в профессиональной непригодности и отсутствии необходимых нравственных качеств у тех, кто проводил эти реформы. Кроме того, молодые реформаторы (неотехнократы) заменили догму одного учения – «марксизм всемогущ потому, что он верен», на другую – «монетаризм – это единственный путь построения капитализма» [8], непригодности и отсутствия необходимых нравственных качеств у тех, кто проводил эти реформы.

Академик РАН Л.И. Абалкин, отмечая ту же тенденцию торможения экономики России в результате проводимых неотехнократами реформ, одну из главных причин видит в том, что, во-первых, наша страна стала объектом, на который накладывались стандартные решения, взятые из опыта стран совершенно другого типа культурно-исторического развития. И, во-вторых, национальные интересы должны быть выше остальных – классовых, групповых, клановых и т.д. [9].

По мнению академика РАН Н.П. Федоренко, в России исчез институт ответственности руководителей предприятий сначала перед вышестоящими органами, затем – перед коллективом руководимых предприятий и, наконец, перед деловыми партнерами. По сути, произошла «великая директорская революция», в ходе которой власть директоров многократно усилилась, а ответственность свелась к минимуму [10].

Академик РАН О.Т. Богомолов, анализируя итоги деятельности неотехнократов-«реформаторов», отмечает как положительные, так и отрицательные результаты. К положительным результатам относятся пуск некоторых рыночных механизмов, исчезновение товарного дефицита, рубль стал обратимым, пробудилась частная инициатива. Но эти положительные перемены обесцениваются перед бедами и издержками, которыми сопровождались реформационные преобразования: сократился вдвое объем ВВП; резко упал жизненный уровень населения – треть населения находится за чертой бедности; смертность вдвое превысила рождаемость; в 2001 году около 300 тысяч человек трудоспособного возраста умерли в результате производственных травм, отравлений, убийств или самоубийств (по данным Минздрава России); на 2,5% ежегодно возрастает число людей с психическими расстройствами; на 10% ежегодно увеличивается число наркоманов; в стране 720 тысяч детей-сирот и детей, родители которых лишены родительских прав (это больше, чем было зарегистрировано после войны); около 2,5 млн. россиян ночуют на чердаках, в подвалах, вдоль теплотрасс (по данным МВД РФ).

Возникает ощущение, что у нас подорваны основы существования нации и государства. Основные фонды изношены на 70%, а их обновление раз в 10 медленнее норматива. Огромна утечка кадров и т.д. [11].

Крах теоретических и практических изысканий технократов-«реформаторов» 90-х годов XX века со всей очевидностью показал, что механизм экономического роста не может возникнуть спонтанно. Для его включения требуется целенаправленная реализация ряда необходимых предпосылок – социальных, экономических и организационных. Предлагаемых рецептов решения

немало: от посланий Президента до программ выхода из кризиса, разрабатываемых различными исследовательскими группами, отдельными учеными [12].

Практика российских неотехнократов-«реформаторов», осуществляемая в условиях переходного периода, представляла собой симбиоз черт: эпигонство, отсутствие самостоятельных и оригинальных идей; тяготение к упрощенным абстрактным схемам, реализуемым без учета специфики российской жизни; авторитарные, а нередко и криминальные методы руководства; игнорирование социальных нужд населения в сочетании с его нещадной эксплуатацией, коррупционность и так далее, что неизбежно порождало хаотичность, сиюминутность в принимаемых и реализуемых решениях. С учетом сказанного становится очевидна необходимость отказа от практики неотехнократов-«реформаторов» и важность формирования новой государственной политики. На смену практике неотехнократов-«реформаторов» должны были прийти неотехнократы-«государственники». Этот тип политиков в современной России только формируется, и не все присущие ему характеристики отчетливо видны. С определенной степенью вероятности можно предположить, что для практики неотехнократа-«государственника» будут характерны следующие особенности: централизация властной структуры; стремление повысить качество жизни отдельных категорий населения; провозглашение борьбы с коррупцией и чиновничьим произволом; проведение структурных преобразований в различных сферах жизнедеятельности общества, направленных не на частичную коррекцию, а на стратегические изменения жизни страны.

Контуры практики «государственников» начали складываться еще при правительстве Е.М. Примакова. Возможности этого кабинета были ограничены: обстановкой, сложившейся после августовского дефолта 1998 года, препятствиями неотехнократов-«реформаторов», ограниченностью бюджетных возможностей государства и др. Однако Е.М. Примакову удалось сделать многое для спасения страны и не допустить разрастание кризиса. Он отменил «реформаторские» решения о продаже за бесценок крупнейших предприятий, пытался ограничить аппетиты сырьевых монополий по взвинчиванию цен, возобновил своевременность выплаты пенсий и зарплат населению страны. При нынешнем президентском курсе этот путь стал еще более осязаем и, вероятно, необратимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сидорина Т.Ю. Горизонты технократии // Философия кризиса. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 218.

2. Основателями прагматизма считаются американские философы Ч. Пирс и У. Джемс, но особый вклад в разработку современного философского наследия прагматизма внес Д. Дьюи, как его называли, «американский философ номер один», «рационализатор американского опыта», разработавший в противовес философскому самосозиданию «свободу поиска», «демократию теории», «плюрализм воззрений». Прагматизм пустил в американской жизни мощные корни, которые постоянно дают о себе знать. (См.: Юлина Н.С. Очерки по философии в США 20 века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 92–111).
3. См.: Dewey J. Experience and Nature. Chicago; L., 1925.
4. Основоположником технократической традиции в России считается П. Энгельмейер. Его пространная, состоящая из многих частей статья «Allgemeine Fragen der Technik» (Общие вопросы техники), вышедшая в издаваемом Динглером журнале «Politechnisches Journal» (Политехнический журнал, 1899 г.), обрисовывает круг конкретных вопросов в рамках общего исследования техники. В 1911 году на IV Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в итальянском городе Болонья, П. Энгельмейер выступил с докладом на тему «Философия техники», где он резюмировал и развил положения упомянутой статьи. Начав с описания «империи техники», он сконцентрировал свое внимание на обсуждении проблемы отношения техники к науке и философскому анализе техники и границ, до которых распространяется ее влияние. По его мнению, сфера техники в конечном счете восходит к человеческой воле и внутреннему стремлению человека к техническому творчеству.
- Со времен основания «Всероссийской ассоциации инженеров» (ВАИ) в 1917 году П. Энгельмейер пытался создать движение, напоминающее то, которое в Америке называлось технократическим, т.е. движение, опиравшееся на идею о том, что предпринимательская деятельность и общество должны быть преобразованы и регулируются на основе принципов техники. Одним из средств реализации идеи технической рациональности был «Кружок по общим вопросам техники», организованный по инициативе П. Энгельмейера в 1927 году. Программы этого кружка П. Энгельмейер сформулировал два года спустя в статье «Нужна ли нам философия техники?».
- «Кружок по общим вопросам техники» воздерживался от всякого рода пропаганды. Он ставил перед собой ближайшие задачи: создание программы философии техники, формулирующей основные понятия техники, выявление и описание принципов современной техники, рассмотрение техники как биологического и антропологического феномена, определение роли техники в истории культуры, экономики, изучение связи техники и искусства, техники и этики.
5. См.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 317–413; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 217–260, 291–372; Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 441–601, 608 и др.
6. См.: Хорос В.Г., Красильщиков В.А., Сумский В.В. Многообразие в конце // Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 608–609.
7. См.: Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001; Фахрутдинов Р.А. Конкурентноспособность: Россия и мир. 1992–2015. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005 и др.; Семенов Ю.И. Философия истории. М.: «Современные тетради». 2003. С. 564–585; Ильин В.В. Мир Глобо: вариант России. Калуга: Полиграф-Информ. 2007. С. 73–123.
8. См.: Львов Д.С. Будущее России: гражданский манифест. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2003. С.57.
9. См.: Абалкин Л.И. Использовать интеллектуальный и экономический потенциал для будущего России // Экономика, 1999, № 8.
10. См.: Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М.: «Издательство «Экономика», 2000.
11. См.: Богомолов О.Т. Реформационное десятилетие: итоги и перспективы (круглый стол) // Российский экономический журнал. 2002, № 5–6.
12. См.: Белоусов А.Р. Будущее российской экономики: пространство выбора // Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 461–491; Фахрутдинов Р.А. Конкурентноспособность: Россия и мир. 1992–2015. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005 и др.

S. Makeev

SOME FEATURES OF PRAXEOLOGY A NEO-CLASSICAL STAGE OF TECHNOCRATISM IN RUSSIA

Abstract: The article is devoted to some peculiarities of neoclassic type of technocratism – particularly to pragmatic practice. Special attention is paid to some peculiarities of Russian practice of technocratism in perestroyka and postperestroyka period.

Key words: praxeology, pragmatism, experience, neoclassical stage, technocratism, modern Russia.